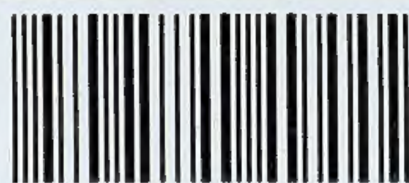

2007060499

АНТРОПОЛОГІЯ, ЕЯ ЗАДАЧИ И МЕТОДЫ.

(По поводу антропологической выставки.)

Въ началѣ апрѣля нынѣшняго года предполагается, какъ извѣстно, открытіе въ московскомъ экзерцыргаузѣ антропологической выставки, которая имѣетъ продолжиться нѣсколько мѣсяцевъ. Комитетъ выставки уже давно работаетъ по собиранію антропологическихъ матеріаловъ и коллекцій, и есть основаніе полагать, что ожидаемая выставка будетъ обставлена весьма удовлетворительно, какъ по отношенію къ количеству научнаго матеріала, такъ и со стороны необходимой для массы публики наглядности и занимательности.

Цѣль этой выставки, насколько намъ извѣстно, двоякая. Во-первыхъ, она была вызвана потребностью положить основу для новаго музея при университетѣ, необходимаго въ виду основанной уже при немъ новой каѳедры—антропологіи; а во вторыхъ—она имѣетъ цѣлью познакомить вообще публику съ различными отдѣлами антропологической науки, и притомъ познакомить возможно нагляднѣе. Для послѣдней цѣли имѣется въ виду выставить рядъ моделей по доисторической археологіи, группы манекеновъ различныхъ племенъ, серію бюстовъ, картинъ, фотографій и т. д.

Какъ бы ни была однако обставлена ожидаемая выставка со стороны ея полноты и наглядности, для большинства публики вѣроятно не сразу станетъ понятнымъ цѣль и значеніе нѣкоторыхъ коллекцій. Для того, чтобы судить объ этомъ, необходимо имѣть нѣкоторое понятіе о цѣляхъ, содержаніи и объемѣ той науки, для популяризаціи которой устраивается выставка, понятіе, которое однако едва-ли сложилось достаточно ясно у большинства публики, тѣмъ болѣе, что наука эта не была до сихъ поръ у насъ предметомъ преподаванія ни въ университетахъ, ни на публичныхъ курсахъ. Поэтому, бѣглый очеркъ тѣхъ вопросовъ и задачъ, разрѣшеніе которыхъ составляетъ содержаніе антропологіи, равно какъ ея методовъ, и нѣкоторыхъ результатовъ, не будетъ лишнимъ въ настоящую минуту, хоть бы для того, чтобы дать нѣкоторое понятіе о томъ, что же такое можетъ быть на антропологической выставкѣ.

Названіе „антропологія" составлено изъ двухъ греческихъ словъ: antropos—человѣкъ и logos—слово, и означаетъ слѣдовательно ученіе или науку о человѣкѣ. Такое названіе, однако, само по себѣ, еще не много объясняетъ, такъ какъ человѣкъ можетъ быть изучаемъ въ различныхъ отношеніяхъ и составляетъ дѣйствительно предметъ изслѣдованій многихъ, весьма различныхъ наукъ. Такъ человѣкомъ занимаются анатомія, физіологія и цѣлый рядъ медицинскихъ наукъ; развитіе его культуры составляетъ задачу исторіи; изученіе явленій психической природы—психологіи; формъ и жизни языковъ—языковѣдѣнія или лингвистики; наконецъ, человѣкъ же и человѣческое общество составляютъ объектъ изслѣдованій многочисленныхъ наукъ юридическихъ и политическихъ. Всѣ онѣ имѣютъ дѣло съ человѣкомъ, съ изученіемъ тѣхъ или другихъ сторонъ его природы, тѣхъ или другихъ проявленій его жизни и дѣятельности, такъ что, въ обширномъ смыслѣ, названіе антропологіи могло бы быть приложено къ совокупности всѣхъ ихъ. Однако, такое общее названіе, приложенное къ цѣлому комплексу наукъ, едва ли необходимо, такъ какъ каждая изъ этихъ наукъ преслѣдуетъ свои спеціальныя задачи и руководствуется своими особыми методами. Поэтому, насколько намъ извѣстно, никто и не употреблялъ названія антропологіи въ этомъ обширномъ смыслѣ, а всегда прилагали его къ отдѣльнымъ наукамъ, или въ двумъ—тремъ изъ нихъ. Такъ въ прежнее время названіемъ этимъ иногда пользовались для обозначенія анатоміи и физіологіи человѣка; позже его употребляли для обозначенія психологіи. Въ настоящее время однако, никто и не думаетъ назы-

вать эти науки антропологіей, и названіе это придается исключительно особой отрасли знанія, посвященной изученію *видоизмѣненій* человѣчества.

Дѣйствительно, главную задачу антропологіи составляетъ то же, что́ и вообще всѣхъ отраслей естественной исторіи, особенно исторіи органическихъ или живыхъ существъ. Какъ ботаника имѣетъ цѣлью изученіе многообразныхъ формъ растеній, какъ зоологія имѣетъ задачей прослѣдить разнообразіе формъ животныхъ, такъ и антропологія стремится къ изученію видоизмѣненій человѣчества, именно тѣхъ племенъ и расъ, на которыя оно распадается. Въ этомъ смыслѣ антропологія является однимъ изъ отдѣловъ естественной исторіи и притомъ, если принять во вниманіе предѣлы варіацій формъ, отдѣломъ небольшимъ. Въ самомъ дѣлѣ, количество отдѣльныхъ формъ или видовъ животныхъ, извѣстныхъ по настоящее время, настолько велико, что нѣтъ положительно никакой физической возможности для одного человѣка ознакомиться основательно даже съ одной десятой долей ихъ. Лѣтъ полтораста тому назадъ, ученый, въ родѣ Линнея, могъ еще обнять однимъ все разнообразіе извѣстныхъ тогда формъ животнаго и растительнаго царства, но въ настоящее время это положительно немыслимо. Зоологія все болѣе и болѣе распадается на отдѣльныя отрасли и каждый зоологъ занимается въ настоящее время по преимуществу одной какой-нибудь группой животныхъ. Такъ есть спеціалисты по рыбамъ — ихтіологи, по птицамъ — орнитологи, по млекопитающимъ, гадамъ, моллюскамъ, насѣкомымъ, по ископаемымъ животнымъ, даже по той или или другой группѣ ихъ и т. д. Конечно, для каждаго зоолога неоходимо имѣть свѣдѣнія по общимъ вопросамъ науки, необходимо имѣть понятіе о классификаціи всѣхъ вообще животныхъ формъ, но ближайшимъ предметомъ его изученія можетъ быть только одна или нѣсколько отдѣльныхъ группъ. Одною изъ такихъ группъ можетъ и должна быть группа рода Homo или человѣка, именно совокупность входящихъ въ составъ ея разновидностей. Эта группа съ перваго взгляда кажется не такъ обширною, какъ напримѣръ многія группы животнаго царства, гдѣ приходится имѣть иногда дѣло съ сотнями и даже тысячами явственно отличныхъ между собою формъ или видовъ. Извѣстно, что люди всюду люди, т. е. что признаки, отличающіе различныя разновидности человѣка, бо́льшей частью не рѣзки, касаются лишь второстепенныхъ видоизмѣненій и самое бо́льшее имѣютъ значеніе подвидовыхъ, въ большинствѣ же случаевъ только значеніе болѣе или менѣе обособленныхъ варіэтетовъ. Этотъ фактъ, однако, нисколько не ослабляетъ такъ сказать научнаго значенія группы, а только служитъ одною изъ причинъ, затрудняющихъ ея изученіе.

Въ самомъ дѣлѣ, не трудно убѣдиться, что чѣмъ формы болѣе отстоятъ одна отъ другой, чѣмъ отличительные признаки ихъ рѣзче, тѣмъ различеніе ихъ представляетъ менѣе затрудненій. Никто не смѣшаетъ, напримѣръ, рыбы съ птицей, птицы съ звѣремъ, звѣря съ насѣкомымъ, потому что признаки, отличающіе ихъ, весьма рѣзки и настолько существенны, что наука размѣщаетъ этихъ животныхъ въ различные классы. Не трудно также отличить, напримѣръ, собаку отъ оленя, оленя отъ обезьяны, обезьяну отъ слона, слона отъ носорога, носорога отъ кита и т. п., такъ какъ признаки ихъ, хотя и не столь рѣзко разнятся между, какъ напримѣръ, въ случаѣ рыбы, звѣря и птицы, однако, все-таки настолько рѣзки и существенны, что они служатъ причиной размѣщенія этихъ животныхъ по различнымъ *отрядамъ* одного класса. Труднѣе уже различать для неопытнаго глаза представителей отдѣльныхъ *семействъ* одного отряда, напр., американскихъ обезьянъ отъ обезьянъ стараго свѣта, оленей отъ антилопъ, виверръ отъ куницъ и т. д., но еще затруднительнѣе уяснить себѣ различія, существующія между отдѣльными *родами* и *видами*, напр. у обезьянъ, кошекъ, оленей, мышей, двуутробокъ, слоновъ и т. д. Когда же дѣло коснется до различенія *варіэтетовъ*, то требуется уже весьма подробное изученіе формъ и большое знакомство съ ними, чтобы уяснить себѣ признаки отдѣльныхъ разновидностей. Такъ, напримѣръ, безъ большой практики и спеціальнаго изученія весьма трудно различать отдѣльныя породы лошадей, овецъ, крупнаго рогатаго скота, свиней, собакъ, судить о бо́льшей или меньшей степени чистоты и смѣшеніи этихъ породъ. Съ подобнымъ же затрудненіемъ мы встрѣчаемся и при изученіи человѣческихъ разновидностей, и если считается понятнымъ и естественнымъ, что изученіе, напримѣръ, породъ лошадей можетъ составить предметъ особой отрасли знанія, гипполо-

гіи," то тѣмъ болѣе мы имѣемъ основаній признать раціональнымъ обособленіе въ отдѣльную науку изученія породъ человѣчества, (даже отрѣшаясь отъ той важности, которую представляетъ эта группа для насъ).

Въ чемъ же заключается это изученіе человѣческихъ породъ и что разумѣть подъ ихъ изученіемъ? Исходя изъ того положенія, что антропологія есть часть естественной исторіи, мы должны по необходимости допустить, что методы ея изслѣдованій должны быть тѣ же самые, какъ и вообще въ естественной исторіи. Но какъ же поступаетъ естествоиспытатель, напримѣръ зоологъ, при изученіи той или другой группы животныхъ? Онъ старается или наблюдать этихъ животныхъ въ ихъ естественной обстановкѣ, изучаетъ ихъ распространеніе, мѣстныя видоизмѣненія, нравы и образъ жизни, или дѣлаетъ надъ ними наблюденія въ неволѣ—въ зоологическихъ садахъ, аквариумахъ, террариумахъ, зоологическихъ станціяхъ, пасѣкахъ, шелководняхъ, рыборазводныхъ заведеніяхъ, физіологическихъ и біологическихъ лабораторіяхъ, или наконецъ пользуется мертвыми остатками ихъ и [illegible] изученія анатомическаго строе[illegible] дру- [illegible] Такъ какъ знаніе послѣдняго весьма [illegible]но для пониманія организаціи животныхъ и такъ какъ, съ другой стороны, совершать обширныя путешествія и дѣлать наблюденія въ природѣ или вообще надъ живыми экземплярами не всегда и не для всѣхъ группъ животныхъ бываетъ возможно, то является положительно необходимымъ значительную часть изслѣдованій дѣлать съ помощію мертваго матеріала,—съ помощью шкуръ (чучелъ), скелетовъ, спиртовыхъ или засушенныхъ экземпляровъ, слѣпковъ, рисунковъ и т. п. Отсюда необходимость въ обширныхъ музеяхъ, которые для зоологіи и существуютъ въ настоящее время во всѣхъ болѣе значительныхъ университетскихъ городахъ.

Такого же рода наблюденія и матеріалы должны быть собираемы и по отношенію къ антропологіи. Лица, спеціально подготовившіяся, должны, путешествуя по различнымъ областямъ земнаго шара, изучать различные племена и народы въ ихъ природной обстановкѣ и собирать подробныя свѣдѣнія объ ихъ физическихъ и психическихъ особенностяхъ. Но такъ какъ рядъ такихъ свѣдѣній, какъ бы онъ ни былъ п[illegible]лонъ, не можетъ еще самъ по себѣ быть достаточнымъ для того, чтобы мы могли составить съ помощью ихъ ясное понятіе о признакахъ и особенностяхъ отдѣльныхъ племенъ и о степени существующихъ между ними сходствъ и различій, то является положительно необходимымъ собирать обширныя антропологическія коллекціи по отношенію къ внѣшнему виду, анатоміи и быту племенъ—въ особые музеи, гдѣ бы онѣ могли подвергаться подробному изученію и сравненію. Такіе музеи однако стали устраиваться лишь въ послѣднее время, и то еще далеко не достигли, даже въ самыхъ богатыхъ собраніяхъ Парижа, Лондона, Берлина, желаемой систематичности и полноты; ранѣе же они представляли лишь небольшія прибавки къ зоологическимъ и анатомическимъ музеямъ, или заключали сборъ всякаго этнографическаго хлама (костюмовъ, оружія и пр.), случайно собраннаго немногими путешественниками. Короче сказать, это были склады сыраго матеріала, собраннаго большей частью случайно, отрывочнаго и расположеннаго безъ всякой опредѣленной системы, причемъ, въ большинствѣ случаевъ, оставалось даже неизвѣстнымъ точное значеніе [illegible] ходи [illegible]хожденіе предметовъ. Между тѣмъ [illegible] музеевъ [illegible] въ томъ, чтобы стремиться къ возможной полнотѣ коллекцій, отдѣльные предметы коихъ должны быть размѣщены, насколько то возможно, въ строгой системѣ.

Какіе же предметы и коллекціи должны входить въ составъ антропологическаго музея? Прежде всего, конечно, тѣ, которые могутъ дать точное понятіе о внѣшнемъ видѣ и физіономіи племенъ, какъ-то: портреты, фотографическіе или сдѣланные красками, самое лучшее en face и въ профиль; бюсты, особенно слѣпленные съ натуры и въ коихъ цвѣтъ кожи, глаза и форма волосъ сдѣланы вполнѣ согласно съ оригиналами, наконецъ цѣлые манекены, сдѣланные во весь ростъ, на основаніи слѣпковъ, портретовъ, измѣреній, или даже одѣтые въ національные костюмы, съ принадлежащими къ нимъ украшеніями, оружіемъ и пр. Затѣмъ для той же цѣли могутъ быть полезны: образцы подлинныхъ волосъ, цѣлыя засушенныя головы (муміи), слѣпки съ различныхъ частей тѣла и т. д.

Изученіе племенъ однако не можетъ ограничиться одной морфологіей, т. е. познаніемъ наружнаго вида и внѣшнихъ формъ, но должно распространяться на

совокупность организаціи, включать въ себя изученіе анатомическихъ и физіологическихъ особенностей. Только такимъ путемъ можемъ мы надѣяться составить болѣе опредѣленное понятіе о существующихъ между людьми племенныхъ отличіяхъ и проникнуть глубже въ пониманіе сущности и происхожденія этихъ особенностей. Изученіе (съ помощью микроскопа) кожи даетъ намъ болѣе точное понятіе о варіяціяхъ ея цвѣта у различныхъ племенъ; изученіе черепа даетъ болѣе определенное представленіе о формѣ головы и частей лица; микроскопическое изслѣдованіе волосъ даетъ болѣе полное понятіе о различіи ихъ формы. Анатомія можетъ указать намъ отличія въ формѣ костей, въ строеніи мозга, въ мышцахъ и органахъ внутренностей; физіологическія наблюденія могутъ уяснить намъ особенности племенъ по отношенію къ внѣшнимъ вліяніямъ и къ степени развитія различныхъ отправленій органовъ. Отсюда слѣдуетъ, что кромѣ коллекцій по морфологіи племенъ, необходимо собирать еще коллекціи по анатоміи расъ, а также возможно большее число физіологическихъ наблюденій надъ отдѣльными племенами. Между ана[illegible]томическими матеріалами особенно [illegible] на[illegible] [illegible]лосъ, мозговъ, внутреннихъ органовъ, мышцъ и кровеносныхъ сосудовъ, если они представляютъ какія-либо уклоненія; изъ физіологическихъ наблюденій особенно интересны: надъ формой и частотой пульса и дыхательныхъ движеній, надъ выраженіемъ ощущеній (измѣненіемъ физіономіи подъ вліяніемъ различныхъ аффектовъ), надъ наступленіемъ половой зрѣлости, кормленіемъ грудью, измѣненіемъ типа по возрастамъ, надъ развитіемъ чувствъ (зрѣнія, слуха, осязанія и пр.), надъ отношеніемъ организма къ внѣшнимъ вліяніямъ, надъ измѣненіями типа, происходящими при переселеніи племенъ изъ одного климата въ другой и при смѣшеніи особей различныхъ расъ между собою, и многія другія. Интересны также патологическія наблюденія надъ различными племенами, надъ распространеніемъ у нихъ тѣхъ или другихъ болѣзней, напримѣръ, чахотки, сифилиса, золотухи, зоба и кретинизма, душевныхъ болѣзней, глистовъ и другихъ паразитовъ, заразныхъ и накожныхъ болѣзней, а также надъ спеціальными болѣзнями нѣкоторыхъ расъ и мѣстностей (фрамбоезія, бéри-бéри, колтунъ, накра и пр.), надъ явленіями акклиматизаціи, вымиранія низшихъ племенъ и др.

Всѣ эти коллекціи и наблюденія должны быть распространены на возможно большее число племенъ и на возможно большее число особей въ каждомъ племени. Послѣднее условіе положительно необходимо, такъ какъ единичные типы и отдѣльныя наблюденія далеко не могутъ дать полнаго понятія о племенныхъ особенностяхъ и даже могутъ повести къ ошибочнымъ выводамъ. Какъ бы ни былъ типиченъ представитель какого нибудь племени, одинъ онъ не можетъ еще совмѣстить въ себѣ всѣ племенныя особенности; притомъ кажущаяся типичность можетъ иногда въ дѣйствительности быть односторонней или преувеличенной. Для возможно полнаго представленія о типѣ извѣстнаго племени, необходимо прослѣдить видоизмѣненія его на многихъ особяхъ или сравнить между собою цѣлый рядъ скелетовъ, череповъ, мозговъ, образцовъ волосъ и т. д. Необходимость такого изученія многихъ особей одного вида или расы сознается въ настоящее время и въ другихъ отрасляхъ естествен[illegible]й исторіи, и нѣкоторые музеи уже ста[illegible] собирать [illegible] только представителей возможно большаго числа группъ, сколько возможно болѣе экземпляровъ и видоизмѣненій отдѣльныхъ видовъ.

Такое изученіе измѣнчивости формъ и ея предѣловъ получило особый интересъ въ послѣднее время, со времени появленія теоріи Дарвина, указавшей на возможность происхожденія однѣхъ формъ отъ другихъ путемъ такъ называемаго естественнаго подбора въ борьбѣ за существованіе и подъ вліяніемъ двухъ факторовъ, приспособленія и наслѣдственности. Основной фактъ этой теоріи заключается въ признаніи измѣнчивости формъ въ предѣлахъ, обусловленныхъ наслѣдственностью и естественнымъ подборомъ. По Дарвину, всѣ виды одного рода развились съ теченіемъ времени изъ одной формы, которая дала начало нѣсколькимъ разновидностямъ, обособившимся впослѣдствіи въ отдѣльные виды. Обособленіе это происходитъ такимъ образомъ, что разновидности, болѣе приспособленныя къ окружающей средѣ, пріобрѣтаютъ и болѣе шансовъ въ борьбѣ за существованіе, а слѣдовательно могутъ скорѣе размножаться и упрочить свои особенности въ потомствѣ. Наоборотъ

разновидности, менѣе приспособленныя къ окружающимъ условіямъ жизни, проигрываютъ въ борьбѣ за существованіе, слабо размножаются и наконецъ вымираютъ. Вслѣдствіе этого, варіэтеты одного вида, всѣ связанные между собою общностью происхожденія и цѣлымъ рядомъ переходныхъ формъ, съ теченіемъ времени становятся все болѣе и болѣе обособленными, такъ какъ, во-первыхъ, связывавшія ихъ промежуточныя разновидности исчезаютъ, а во-вторыхъ, они все болѣе и болѣе упрочиваютъ свои особенности, путемъ передачи ихъ цѣлому ряду поколѣній. Коль скоро же разновидности настолько обособятся, что онѣ не будутъ связаны между собой промежуточными формами, мы должны признать ихъ за отдѣльные виды, изъ чего и становится понятнымъ, какимъ образомъ вслѣдствіе такого процесса могутъ возникать новые виды.

Такое обособленіе, такое упроченіе признаковъ извѣстною разновидностью совершается однако постепенно и полнаго совершенства не достигаетъ никогда. Менѣе приспособленныя формы обыкновенно долго борются за свое существованіе и вымираютъ лишь мало-по-малу. Съ другой стороны и формы, получившія преобладаніе, побѣдившія въ борьбѣ за существованіе, никогда не пріобрѣтаютъ полной устойчивости своихъ признаковъ. Извѣстно, что дѣти одного отца и одной матери никогда не бываютъ вполнѣ тождественны между собою, а не рѣдко и очень разнятся въ подробностяхъ своего склада, физіономіи, умственныхъ способностей и т. д. Это примѣняется въ одинаковой степени какъ къ человѣку, такъ и къ животнымъ. Какое нибудь стадо коровъ, овецъ, лошадей можетъ казаться весьма однороднымъ, а между тѣмъ пастухъ, хорошо знакомый съ нимъ, легко отличаетъ въ немъ каждое отдѣльное животное. Такая индивидуальная измѣнчивость можетъ обусловливаться многими причинами, точно опредѣлить которыя наука еще не въ состояніи. Отчасти это можетъ быть результатомъ такъ-называемаго атавизма или реверзіи, т. е. возвращенія къ типу предковъ. Извѣстно, что дѣти бываютъ иногда похожи болѣе на своего дѣда или бабку, съ отцовской или материнской стороны, чѣмъ на своихъ родителей. Фактъ этотъ былъ замѣченъ какъ у людей, такъ и у животныхъ, и онъ хорошо извѣстенъ скотоводамъ и коннозаводчикамъ.

Есть основаніе полагать, что эта реверзія идетъ и далѣе въ восходящей линіи, до прадѣдовъ и даже до отдаленныхъ предковъ, причемъ понятно, что въ томъ случаѣ, когда прадѣды замѣтно отличались отъ правнуковъ, возвращеніе къ типу первыхъ будетъ содѣйствовать индивидуальной измѣнчивости. Другая причина можетъ заключаться въ смѣшеніи или скрещиваніи особей различныхъ разновидностей, происходящія отъ которыхъ помѣси будутъ представлять промежуточныя формы. Наконецъ, извѣстная доля измѣнчивости можетъ быть обусловлена вліяніемъ патологическихъ процессовъ, условіями питанія и жизни вообще, вліяніемъ окружающей среды и т. д., причемъ вліянія эти могутъ оказывать свое дѣйствіе или непосредственно на самихъ особей, или на ихъ ближайшее и отдаленное потомство.

Чѣмъ болѣе какая нибудь форма выигрываетъ въ борьбѣ за существованіе, чѣмъ болѣе она получаетъ шансовъ упрочить свои отличительные признаки въ потомствѣ, тѣмъ болѣе, очевидно, она будетъ размножаться. Это размноженіе по необходимости должно вызывать все бóльшее [illegible] разселеніе, [illegible]ниченной мѣстности только извѣстное число особей можетъ находить средства къ существованію. Но, разселяясь на бóльшее пространство, видъ все болѣе и болѣе удаляется отъ того центра, гдѣ онъ обособился, другими словами встрѣчается съ иными климатическими и мѣстными условіями, съ иной почвой, флорой, фауной и т. д. Отсюда слѣдуетъ, что чѣмъ болѣе какая-либо разновидность становится преобладающею, чѣмъ болѣе она разселяется, тѣмъ болѣе она должна приспособляться къ различнымъ условіямъ жизни, а это, въ большинствѣ случаевъ, должно вызывать опять измѣнчивость, вести снова къ образованію разновидностей. И дѣйствительно, зоологія представляетъ намъ много примѣровъ, что виды, широко распространенные, представляютъ значительное число разновидностей и вообще весьма склонны къ измѣнчивости.

Человѣкъ, какъ извѣстно, есть одна изъ наиболѣе широко распространенныхъ органическихъ формъ. Онъ населилъ почти всю землю, живетъ какъ подъ тропиками, такъ и въ самомъ холодномъ климатѣ, гдѣ только есть какая либо возможность къ существованію. Онъ поселился какъ на обширныхъ материкахъ, такъ и на

мелкихъ океаническихъ островахъ, какъ на горахъ, такъ и въ степяхъ, какъ на плоскихъ возвышенностяхъ, такъ и въ болотистыхъ низменностяхъ. Очевидно, что такое разнообразіе условій климата и мѣстности должно было содѣйствовать его измѣнчивости, и дѣйствительно мы видимъ, что онъ представляетъ громадное число варіэтетовъ, распадается на множество расъ, племенъ и народовъ. Съ другой стороны, мы знаемъ, что различныя племена, обособившіяся въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ, съ теченіемъ времени мѣняли свое жительство, переселялись, селились между другими племенами, истребляли ихъ, смѣшивались съ ними, мѣняли свой языкъ, бытъ, религію, образъ воспитанія, совершенствовали свою культуру. Все это также должно было вызывать измѣнчивость, и притомъ какъ племенную, такъ и индивидуальную.

И такъ, изучая человѣческія племена, мы не можемъ довольствоваться только изученіемъ отдѣльныхъ образчиковъ, немногихъ особей, но должны сравнивать между собою цѣлый рядъ ихъ. При изученіи морфологіи, напримѣръ, или внѣшняго вида, мы должны основывать наши выводы на цѣломъ рядѣ портретовъ, [illegible], цвѣта кожи, для того, чтобы уловить существенные признаки типа и опредѣлить предѣлы его измѣнчивости. Мы должны обратить вниманіе на мужской и женскій полъ и на видоизмѣненія, обусловливаемыя возрастомъ. Женскій типъ вообще отличается отъ мужскаго, а у нѣкоторыхъ племенъ это различіе является весьма замѣтнымъ и характеристичнымъ; подобнымъ же образомъ возрастъ оказываетъ весьма большое вліяніе на бóльшую или меньшую выраженность племеннаго типа. Мы должны также собирать возможно болѣе обширныя серіи анатомическихъ препаратовъ (скелетовъ, череповъ, мозговъ и т. д.) и возможно большее число физіологическихъ наблюденій. Чѣмъ болѣе обширнымъ матеріаломъ мы будемъ располагать, тѣмъ къ болѣе вѣроятнымъ выводамъ мы можемъ придти, тѣмъ болѣе слѣдовательно мы можемъ приблизиться къ истинѣ.

Чтó разумѣть, однако, подъ такимъ изученіемъ обширныхъ серій однородныхъ матеріаловъ, и какъ можемъ мы сличать ихъ между собою? Очевидно, тутъ требуется извѣстный строгій методъ, необходимо прибѣгнуть къ счету и измѣреніямъ. Такъ, напримѣръ, чтобы опредѣлить ростъ какого нибудь племени, мы должны измѣрить его на значительномъ числѣ особей и затѣмъ вывести среднюю цифру. Само собою разумѣется, что цифра эта не будетъ абсолютно точною, такъ какъ для полной точности потребовалось бы измѣрить ростъ всѣхъ особей племени, чтó невозможно; тѣмъ не менѣе, измѣряя напримѣръ ростъ нѣсколькихъ сотъ или тысячъ мужчинъ зрѣлаго возраста, мы можемъ уже составить довольно точное понятіе о средней величинѣ роста. Помощью такого измѣренія можно было, напримѣръ, убѣдиться, что обитатели острововъ Океаніи (полинезійцы) отличаются сравнительно высокимъ ростомъ отъ родственныхъ имъ по языку, но малорослыхъ малайцевъ. Подобнымъ же образомъ, Брока, сопоставляя цифры изъятій отъ военной службы, за недостаточнымъ ростомъ, въ различныхъ департаментахъ Франціи, въ продолженіе восемнадцати-лѣтняго періода, могъ придти къ весьма интереснымъ выводамъ относительно размѣщенія расъ на французской территоріи. Подобные же выводы были сдѣланы Ломброзо для Италіи, на основаніи средняго роста рекрутъ, за нѣсколько лѣтъ, въ различныхъ провинціяхъ.

Тотъ же самый методъ долженъ прилагаться и при изученіи другихъ морфологическихъ признаковъ, напр., цвѣта кожи, волосъ, глазъ, соотношенія различныхъ частей тѣла, формы головы и т. п. Въ Германіи, напримѣръ, недавно были собраны статистическія данныя относительно цвѣта волосъ и глазъ у 2,114,553 учениковъ и ученицъ въ народныхъ школахъ,—данныя, которыя привели къ весьма интереснымъ антропологическимъ выводамъ. Оказалось, чтó хотя отроческое населеніе Германіи вездѣ представляетъ смѣшеніе двухъ типовъ, черноволосаго и бѣлокураго, однако типы эти встрѣчаются не въ одинаковой пропорціи въ различныхъ мѣстностяхъ. Такъ, если откинуть всѣхъ рыжихъ и всѣхъ шатеновъ, т. е. цвѣта промежуточные между чернымъ и свѣтло-бѣлокурымъ, и принять во вниманіе только эти крайніе оттѣнки, то оказывается, что на югѣ встрѣчается значительно болѣе брюнетовъ и гораздо менѣе блондиновъ, чѣмъ на сѣверѣ. Въ Эльзасѣ, Баденѣ, Баваріи, Вюртембергѣ— первые, т. е. брюнеты, составляютъ отъ 20 до 25 процентовъ, въ Пруссіи, Ганно-

верѣ, Ольденбургѣ, Бременѣ, Любекѣ и другихъ мѣстностяхъ сѣверной Германіи —только отъ 6 до 11 процентовъ. Наоборотъ, чистыхъ блондиновъ здѣсь отъ 34 до 43 процентовъ, тогда какъ въ южной Германіи ихъ не болѣе 24, а въ Баваріи и Эльзасѣ даже не болѣе 20 процентовъ. Выражая эти данныя графически, именно отмѣчая на картѣ Германіи различныя мѣстности болѣе темною или свѣтлою краскою, смотря по преобладанію болѣе темнаго или свѣтлаго цвѣта волосъ, можно было получить наглядное представленіе существующихъ отношеній. При этомъ можно было убѣдиться, что темноволосый типъ въ нѣкоторыхъ областяхъ значительно распространяется на сѣверъ, точно такъ же какъ свѣтловолосый на югъ. Распространеніе это стоитъ въ соотвѣтствіи съ направленіемъ нѣкоторыхъ рѣкъ; такъ напр., темноволосый типъ распространяется къ сѣверу вдоль Верры и особенно вдоль Одера, а бѣлокурый распространяется къ югу вдоль Леха.

Подобное же изученіе цвѣта волосъ у мѣстнаго населенія было сдѣлано недавно въ Галиціи надъ значительнымъ числомъ русиновъ и поляковъ. При этомъ однако былъ употребленъ другой методъ, [illegible] брали по маленькому пучку волосъ съ головы каждой особи и затѣмъ размѣщали эти пучки на большихъ листахъ. Одинъ бѣглый взглядъ на такіе листы уже показываетъ, что у поляковъ встрѣчается значительно болѣе свѣтлыхъ блондиновъ, чѣмъ у русиновъ (малороссовъ), у которыхъ, наоборотъ, гораздо болѣе брюнетовъ.

Труднѣе доходить до такихъ общихъ, среднихъ выводовъ относительно сложенія тѣла, соотношенія его частей, формы головы (черепа), развитія мозга. Тутъ требуется значительное число измѣреній и сравненій по извѣстной, опредѣленной и притомъ одинаковой схемѣ. Для точнаго опредѣленія формы тѣла, напримѣръ, у различныхъ племенъ требуется рядъ измѣреній надъ туловищемъ, головой, различными сегментами конечностей, произведенныхъ надъ многими особями и сведенныхъ къ опредѣленной единицѣ, напримѣръ къ величинѣ роста. Для уясненія особенностей черепа нужно также прибѣгать къ измѣреніямъ и къ статистическому методу, выводя притомъ соотношенія между различными діаметрами и сводя ихъ къ среднимъ цифрамъ. При выводѣ такихъ среднихъ цифръ нужно однако обращать вниманіе, чтобы онѣ выражали дѣйствительно существующіе средніе типы, а не просто ариѳметическія среднія. Если мы, напримѣръ, замѣчаемъ, что средній ростъ населенія въ одной мѣстности какой нибудь области малый, а въ другой большой, то мы не выразимъ реальнаго отношенія, если, сводя отдѣльныя измѣренія, придемъ къ выводу, что ростъ населенія въ данной области средній. Настоящій выводъ будетъ тотъ, что въ данной мѣстности населеніе, по росту, представляетъ два типа, высокій и низкій, изъ коихъ одинъ преобладаетъ въ такой-то мѣстности, другой — въ другой. При изученіи мозга, именно развитія находящихся на немъ бороздъ и извилинъ, точно также недостаточно, на основаніи сравненія нѣсколькихъ мозговъ, вывести извѣстную среднюю норму. Нужно изучить форму отдѣльныхъ извилинъ или бороздъ на значительномъ числѣ особей и затѣмъ свести ихъ къ бо́льшему или меньшему числу типовъ. Такихъ изслѣдованій, до настоящаго времени, произведено еще, къ сожалѣнію, весьма мало и, что касается мозга, то самымъ обстоятельнымъ мы обязаны профессору московскаго университета Д. Н. [illegible] нія бороздъ на ста мозгахъ, почтенный профессоръ могъ придти къ весьма интереснымъ выводамъ относительно бо́льшаго или меньшаго постоянства отдѣльныхъ бороздъ и относительно индивидуальныхъ ихъ видоизмѣненій. При этомъ оказалось, что видоизмѣненія эти могутъ быть сведены къ извѣстнымъ немногимъ типамъ, изъ коихъ одинъ является преобладающимъ. Весьма было бы важно, еслибы подобныя излѣдованія были сдѣланы и надъ мозгами другихъ племенъ и расъ; тогда мы могли бы придти къ положительнымъ выводамъ относительно развитія мозга у различныхъ племенъ и относительно значенія отдѣльныхъ типовъ его строенія.

И такъ, слѣдовательно, нужны обширныя серіи препаратовъ по морфологіи и анатоміи племенъ и масса отдѣльныхъ наблюденій, чтобы придти къ положительнымъ выводамъ относительно видоизмѣненій человѣческаго типа, помимо половыхъ, возрастныхъ и индивидуальныхъ различій. Спрашивается однако, какая цѣль лежитъ въ основѣ такого подробнаго изученія и что можетъ быть достигнуто собираніемъ такого обширнаго матеріала? Не предстоитъ ли опасность потеряться въ этой

массѣ отдѣльныхъ фактовъ, запутаться въ этомъ, повидимому, безконечномъ разнообразіи? Какъ бы ни были интересны отдѣльные факты, изученіе ихъ только для нихъ самихъ не можетъ еще составлять, строго говоря, науки. Массы фактовъ, даже сведенные въ извѣстную систему, составляютъ только матеріалъ для науки, задача которой освѣтить эти факты извѣстной идеей, доискаться ихъ смысла, установить между ними связь. Анализъ явленій необходимъ для точнаго пониманія ихъ, но умъ нашъ можетъ быть удовлетворенъ только тогда, когда анализъ будетъ сопровождаться синтезомъ, когда отдѣльные факты сгруппируются въ извѣстную теорію, которая дастъ намъ представленіе объ ихъ взаимной связи и будетъ способствовать ихъ пониманію.

Изученіе органическихъ формъ сдѣлало громадный шагъ впередъ, приложивъ къ объясненію ихъ принципъ постепеннаго развитія. Если наука еще и не уяснила вполнѣ всѣхъ причинъ разнообразія формъ, то во всякомъ случаѣ стало очевиднымъ, что это разнообразіе есть результатъ естественныхъ причинъ и составляетъ продуктъ времени. Факты палеонтологіи, эмбріологіи, зоотехніи, географическаго [illegible] даютъ многочисленныя тому доказательства, и относительно нѣкоторыхъ формъ наука уже могла доказать ихъ постепенное обособленіе. Что касается человѣка, то сходство всѣхъ его племенъ, именно развитіе ихъ отъ однихъ прародичей, допускалось даже большинствомъ тѣхъ, которые для другихъ органическихъ формъ строго держались теоріи неизмѣняемости. Тѣмъ не менѣе это развитіе признавалось только какъ общая гипотеза, безъ провѣрки ея на дѣлѣ, на отдѣльныхъ племенахъ и расахъ. Между тѣмъ, для того, чтобъ эта гипотеза стала настоящею научною теоріею, способною объяснить факты племенныхъ различій, она должна быть приложена къ отдѣльнымъ группамъ племенъ и доказана на основаніи строго-научныхъ данныхъ. Другими словами, изъ общей неопредѣленной идеи она должна сдѣлаться конкретнымъ представленіемъ, при помощи котораго мы бы могли уяснить себѣ связь между различными формами и достигнуть пониманія тѣхъ причинъ и путей, которыми обусловливалось и шло племенное обособленіе.

Нѣтъ надобности доказывать, что такая задача, именно изученіе сродства и происхожденія племенъ, представляетъ значительную важность, какъ само по себѣ, такъ и какъ дополненіе къ исторіи человѣческаго рода. Съ другой стороны, не трудно убѣдиться, что задача эта сопряжена съ значительными трудностями и полнаго разрѣшенія ея человѣчество, вѣроятно, не достигнетъ никогда, точно такъ же какъ не достигнетъ его и вообще вся естественная исторія по отношенію къ пониманію животныхъ и растительныхъ формъ. Тѣмъ не менѣе, есть все-таки возможность значительно подвинуться впередъ въ этомъ отношеніи, по мѣрѣ увеличенія нашихъ свѣдѣній и болѣе подробнаго, всесторонняго изученія органическихъ формъ. Покуда, правда, сдѣлано еще весьма немного и масса фактовъ и вопросовъ еще подлежитъ разрѣшенію; но въ этомъ заключается своего рода привлекательность, подстрекающая человѣческую пытливость и вызывающая его на усиленную разработку науки.

Изученіе сродства (филіаціи) и происхожденія племенъ требуетъ прежде всего подробнаго изученія ихъ въ ихъ современномъ состояніи, именно изученія ихъ типа, анатомическихъ и физіологическихъ особенностей, мѣстныхъ видоизмѣненій, индивидуальныхъ варіацій. Параллельно съ этимъ должно идти изслѣдованіе вліянія внѣшнихъ условій, способныхъ вызывать измѣнчивость, и изученіе явленій наслѣдственности. Явленія этой послѣдней категоріи еще весьма плохо изучены и предстоитъ еще собрать цѣлые ряды точныхъ наблюденій для того, чтобы придти къ болѣе ясному пониманію ихъ и свести ихъ къ опредѣленнымъ законамъ. Нѣкоторыми врачами уже былъ поднятъ вопросъ о болѣе точномъ изученіи наслѣдственности, именно по отношенію къ болѣзнямъ, путемъ тщательнаго наблюденія за состояніемъ здоровья у всѣхъ членовъ извѣстныхъ семей, въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній. Подобныя же наблюденія желательно бы было собрать и по отношенію къ чисто-антропологическимъ вопросамъ, напримѣръ, по отношенію къ вопросу о наслѣдственной передачѣ особенностей физіономіи, сложенія тѣла, роста, формы и цвѣта волосъ, цвѣта кожи, развитія чувствъ (зрѣнія, слуха и др.), умственныхъ способностей и пр., принимая при этомъ во вниманіе условія воспитанія, жизни, вліяніе среды и т. п.

Всѣхъ этихъ данныхъ однако еще далеко не достаточно для надлежащаго пониманія видоизмѣненій человѣческаго типа. Мы не

можемъ ограничиться только изученіемъ племенъ въ ихъ современныхъ представителяхъ, но по необходимости должны включить въ рамки нашихъ изслѣдованій и поколѣнія прошедшія. Стремясь къ объясненію образованія племенъ, мы очевидно должны стараться составить себѣ понятіе и о томъ типѣ, который представляли эти племена за много поколѣній тому назадъ. Такъ, напримѣръ, для изученія греческаго типа мы должны принять во вниманіе какъ современныхъ грековъ, такъ и грековъ среднихъ вѣковъ, Византіи, временъ Александра Македонскаго, Перикла и болѣе древнихъ эпохъ. По отношенію къ народамъ, жившимъ историческою жизнью, мы можемъ собрать для такого изученія довольно значительный матеріалъ, главнымъ образомъ въ историческихъ свидѣтельствахъ, въ портретахъ и въ произведеніяхъ искусства вообще. Такъ для изученія типа древнихъ египтянъ и его видоизмѣненій мы имѣемъ громадный матеріалъ въ надгробныхъ монументахъ, относящихся къ разнымъ династіямъ и украшенныхъ множествомъ статуй и фресокъ; мы имѣемъ даже цѣлыя муміи, на которыхъ часто можно видѣть вполнѣ сохранившіяся черты лица, и много автентичныхъ череповъ изъ древнихъ гробницъ. Подобнымъ, хотя и менѣе обширнымъ матеріаломъ мы можемъ располагать и для изученія древнихъ обитателей Ассиріи и Вавилона, древнихъ грековъ и римлянъ, отчасти также этрусковъ, даковъ, галловъ, перуанцевъ, индусовъ и другихъ народовъ. Мы можемъ пользоваться описаніями древнихъ историковъ и географовъ, бюстами царей и императоровъ, надгробными статуями, барельефами на тріумфальныхъ аркахъ и колоннахъ, портретами государей на монетахъ, картинами и фресками, изображающими сцены изъ народной жизни или изъ миѳологіи, изображеніями божествъ, рисунками въ рукописяхъ, скелетами, черепами, остатками волосъ изъ могилъ, даже слѣпками съ тѣла (какъ напримѣръ найденными въ Помпеѣ). Всѣ эти матеріалы доходятъ однако только до извѣстной эпохи, за которою господствуетъ полнѣйшій мракъ. Насколько же незначителенъ этотъ историческій періодъ съ антропологической точки зрѣнія, можно видѣть напримѣръ изъ того факта, что типъ, или типы древнихъ египтянъ, жившихъ за 3,000 лѣтъ до нашего времени, можно и теперь еще встрѣтить у ихъ современныхъ потомковъ. На монументахъ Египта встрѣчаются типы евреевъ, негровъ, берберовъ, совершенно сходные съ ихъ современными представителями. Періодъ въ 3,000 лѣтъ, слѣдовательно, не измѣнилъ почти нисколько племенные типы сѣверной Африки и Сиріи; подобная же устойчивость племенныхъ признаковъ, въ продолженіи тысячелѣтій, можетъ быть констатирована въ Месопотаміи, Индіи, Китаѣ. Жизнь при одинаковыхъ климатическихъ и мѣстныхъ условіяхъ, часто даже при той же пищѣ, одеждѣ, занятіяхъ и привычкахъ, можетъ до нѣкоторой степени объяснить эту силу наслѣдственности у населенія только что указанныхъ странъ. Есть нѣкоторыя указанія на то, что при измѣненіи условій жизни и при переселеніи въ другія страны типъ племени можетъ подвергаться измѣненію, даже и въ значительно меньшій періодъ времени. Въ примѣръ можно привести типъ янки (сѣверо американцевъ), замѣтно обособившійся отъ чистокровнаго англійскаго, и типъ современныхъ нѣмцевъ, повидимому, также во многомъ уклонившійся отъ древне-германскаго. Какъ бы то ни было, одни историческіе памятники [illegible] не могутъ значительно расширить наши свѣдѣнія относительно филіаціи народовъ, уже на основаніи того, что они имѣются лишь для малаго числа историческихъ націй, да и для тѣхъ только со времени достиженія ими извѣстной степени цивилизаціи. Гораздо далѣе въ глубь вѣковъ вводитъ насъ „наука о старинѣ,“ *археологія*, именно та отрасль ея, которая носитъ названіе „до-исторической археологіи“. Изучая древности отдаленныхъ эпохъ, о которыхъ не сохранилось извѣстій въ исторіи, она даетъ намъ возможность составить нѣкоторое понятіе какъ о степени культуры, такъ отчасти и о типѣ племенъ въ различныхъ странахъ, въ продолженіе послѣдовательныхъ періодовъ до-исторической эпохи. Наиболѣе данныхъ мы можемъ конечно получить для періода ближайшаго къ исторической эпохѣ и непосредственно ей предшествующаго (а отчасти и ее захватывающаго), именно изъ изслѣдованія древнихъ могилъ (кургановъ). Обычаю хоронить покойниковъ въ каменныхъ или земляныхъ гробницахъ, т. е. класть ихъ межъ каменныхъ плитъ или сыпать надъ ними курганы, и окружать ихъ предметами, дорогими при жизни, или могущими (по суевѣрнымъ понятіямъ народа) быть

полезными на томъ свѣтѣ, мы обязаны сохраненіемъ богатой массы матеріала для ознакомленія съ культурой, бытомъ, а отчасти и типомъ народовъ, о которыхъ не сохранилось вовсе, или весьма мало, извѣстій въ исторіи. Что касается типа, то судить о немъ мы, конечно, можемъ только на основаніи скелетовъ и череповъ, да отчасти еще (въ рѣдкихъ случаяхъ)— остатковъ волосъ. Тѣмъ не менѣе, и эти скудные остатки могутъ дать намъ не маловажныя указанія. Такъ, напримѣръ, обширныя изслѣдованія профессора А. П. Богданова надъ черепами изъ кургановъ Московской губерніи показали, что племя, воздвигавшее эти курганы, замѣтно отличалось отъ современнаго населенія по формѣ своей головы (черепа). Въ то время, какъ у современнаго населенія преобладаютъ черепа широкіе (брахицефалы, короткіе) или овальные (ортоцефалы или мезатицефалы), у населенія курганнаго періода преобладали черепа длинные (долихоцефалы). Такъ какъ, судя по найденнымъ въ этихъ курганахъ вещамъ (бронзовымъ украшеніямъ и др.), они относятся къ періоду отъ IX до XIII вѣковъ, то есть къ той эпохѣ, когда Москва еще не существовала или только что основалась (городъ Москва [illegible] извѣстно, въ лѣтописяхъ впервые подъ 1147 годомъ), то отсюда слѣдуетъ, что въ теченіе 600 лѣтъ населеніе Московской губерніи замѣтно измѣнилось въ своемъ физическомъ типѣ, по крайней мѣрѣ, что касается черепа. Недавно проф. Богдановъ произвелъ новый рядъ изслѣдованій съ цѣлью болѣе точнаго опредѣленія этого измѣненія черепнаго типа, въ продолженіе исторической эпохи, т. е. между XIII и настоящимъ столѣтіями. Онъ воспользовался для этой цѣли черепами изъ старыхъ московскихъ кладбищъ, найденныхъ при возведеніи построекъ въ Кремлѣ и при церкви Успенія на Могильцахъ, при устройствѣ набережной передъ храмомъ Спасителя и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Такъ какъ кладбища эти относятся къ періоду между XIV и второй половиной XVIII вѣка, то изученіе добытыхъ изъ нихъ череповъ (до 300) могло дать понятіе о формѣ черепа московскаго населенія въ этотъ историческій періодъ. Произведенныя измѣренія показали, что большинство этихъ череповъ (53 проц.) принадлежитъ къ короткимъ, брахицефальнымъ, и къ ортоцефаламъ, или среднимъ (27 проц.) долихоцефалы же, или длинные, составляютъ только 20 проц., т. е. одну пятую всего числа. Изъ этого можно заключить, что измѣненіе черепнаго типа послѣдовало у московскаго населенія еще въ начальный періодъ мѣстной исторіи, т. е. въ XIII—XIV вѣкахъ и что, какъ только населеніе княжества, съ вызвышеніемъ Москвы, стало увеличиваться, брахицефальный типъ сталъ преобладающимъ. Можно предположить, что такое измѣненіе обусловливалось наплывомъ новыхъ элементовъ, заселеніемъ пришельцами изъ другихъ мѣстностей, на что отчасти и есть историческія указанія.

Замѣчательно, что въ курганахъ другихъ мѣстностей, именно въ южной Россіи и Германіи, были находимы также черепа, по преимуществу длинные, долихоцефалы, между тѣмъ какъ современные малороссы и нѣмцы отличаются преобладаніемъ короткой (брахицефальной) формы черепа. Что касается нѣмцевъ, то измѣненіе у нихъ формы черепа нѣкоторые ученые пытались объяснить смѣшеніемъ съ славянами (многія племена которыхъ были, какъ извѣстно, онѣмечены и вошли въ составъ нѣмецкой народности); другіе же, какъ Вирховъ и Колльманъ, доказывали, что уже у древнихъ германцевъ существовало нѣсколько черепныхъ типовъ, и что если франки и аллеманы имѣли длинные черепа, то другія германскія племена отличались отъ нихъ въ этомъ отношеніи.

Немало интересныхъ данныхъ доставили также раскопки кургановъ для познанія быта и культуры тѣхъ племенъ, которыя ихъ воздвигали. Такъ находки, сдѣланныя въ курганахъ Германіи (въ такъ называемыхъ Reihengräber) значительно увеличили наши свѣдѣнія о культурѣ такъ называемой франко-аллеманской эпохи; раскопки длинныхъ и круглыхъ кургановъ Англіи (long barrows и round-barrows) дали интересные матеріалы для познанія культуры и типа черепа древняго населенія Британіи. У насъ, въ Россіи, многочисленныя раскопки, произведенныя графомъ А. С. Уваровымъ во Владимірской и Ярославской губерніяхъ, дали богатый матеріалъ для познанія культуры мерянъ X и XI вѣковъ; немало также интереснаго матеріала было собрано въ послѣднее время г. Ивановскимъ въ курганахъ Петербургской губерніи, проф. Самоквасовымъ въ курганахъ полтавскихъ, черниговскихъ, кіевскихъ, а равно многими лицами (Н. Г. Керцелли, А. М. Кель-

сіевымъ, Н. Ю. Зографомъ и др.), спеціально отправленными для раскопки кургановъ въ разныхъ губерніяхъ отъ комитета антропологической выставки. Ранѣе, весьма замѣчательныя находки были сдѣланы въ большихъ курганахъ южной Россіи (около Керчи и въ Екатеринославской губерніи), гдѣ было найдено, между прочимъ, много золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ вещей, отчасти превосходнаго греческаго стиля, и которыя вообще значительно расширили наши свѣдѣнія о культурѣ и бытѣ населенія Геродотовой Скиѳіи.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ западной Европы, кромѣ кургановъ, относящихся къ непосредственно предшествующей исторической, эпохѣ желѣзнаго вѣка, были находимы (хотя и весьма рѣдко) другіе, болѣе древніе, принадлежащіе такъ наз. бронзовому вѣку, т. е. эпохѣ, когда желѣзо еще не вошло въ употребленіе и мѣсто его, особенно для оружія, заступала бронза. У насъ въ Европейской Россіи, такихъ кургановъ найдено не было, какъ и вообще слѣдовъ бронзоваго вѣка, предшествовавшаго желѣзному. Немногіе образцы бронзоваго оружія, найденные въ Финляндіи, Прибалтійскихъ губерніяхъ и западномъ краѣ очевидно были занесены туда изъ западной Европы. Съ другой стороны, нѣкоторыя находки, напримѣръ сдѣланныя Пжиборовскимъ въ могилахъ на правомъ берегу Вислы, показываютъ, что древнѣйшій каменный вѣкъ (когда всѣ оружія и орудія дѣлались изъ камня, кости и дерева) смѣнился здѣсь непосредственно желѣзнымъ. Желѣзо, вообще, было извѣстно повидимому съ древнѣйшихъ временъ населенію Россіи, хотя на Востокѣ, на лѣвомъ берегу Волги и въ Сибири, и существовала повидимому эпоха, когда орудія изъ бронзы и мѣди пользовались значительнымъ распространеніемъ. На это указываютъ именно многія, такъ называемые „чудскія" древности (мѣдные и бронзовые кинжалы, топоры, долота, изображенія животныхъ, подвѣски и пр.) происходящія отчасти изъ обширнаго Ананьевскаго могильника близъ г. Елабуги, а отчасти изъ Алтая и другихъ мѣстностей Сибири. Нѣкоторыя изъ этихъ чудскихъ древностей представляютъ сходство съ древностями южной Россіи (скифскими), но онѣ настолько отличаются отъ древностей бронзоваго вѣка западной Европы, что указываютъ на совершенно самостоятельную культуру, инаго типа и происхожденія.

Остатки оригинальной бронзовой индустріи были найдены также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Кавказѣ. Между этими находками одна изъ весьма интересныхъ была сдѣлана лѣтомъ 1877 года Ю. Д. Филимоновымъ, во время его поѣздки на Кавказъ съ цѣлью археологическихъ раскопокъ для комитета антропологической выставки. Въ Оссетіи ему удалось раскопать нѣсколько древнихъ каменныхъ гробницъ, которыя доставили много предметовъ изъ бронзы, серебра и желѣза, указывающихъ на переходную эпоху между бронзовымъ и желѣзнымъ вѣками. Еще болѣе интересныя вещи доставилъ ему одинъ кладъ, открытый близь станціи Казбекъ и состоявшій изъ множества оригинальныхъ бронзовыхъ статуетокъ, изображеній животныхъ, оружія, украшеній, колокольчиковъ и другихъ вещей, а также изъ серебряной чаши; на послѣдней можно было замѣтить нацарапанные острымъ орудіемъ какіе-то знаки, которые оказались финикійскими (арамейскими) письменами, —фактъ, позволившій опредѣлить, хотя приблизительно, эпоху клада, именно отнести его къ IV вѣку до Р. Х.—Что касается скелетовъ и череповъ, по которымъ можно бы было до нѣкоторой степени судить о типѣ племени, [illegible] ками бронзоваго вѣка было найдено до сихъ поръ весьма мало. Фактъ этотъ объясняется тѣмъ, что въ западной Европѣ, въ этомъ періодѣ, преобладалъ обычай сожиганія труповъ, пепелъ отъ которыхъ обыкновенно погребался въ урнахъ.

Бо̀льшимъ матеріаломъ въ этомъ отношеніи наука располагаетъ для болѣе древняго періода—для такъ назыв. каменнаго вѣка. Обширный вѣкъ этотъ можетъ быть раздѣленъ въ свою очередь на два естественныхъ періода, на такъ называемый *палеолитическій* (древне-каменный) и *нео-литическій* (ново-каменный). Первый характеризуется грубо-оббитыми (преимущественно кремневыми) орудіями, второй — болѣе тщательно отдѣланными орудіями изъ камня, очень часто превосходно отполированными. Различіе между этими двумя періодами не ограничивается только указаннымъ различіемъ въ формѣ орудій. Неолитическій періодъ, стоящій гораздо ближе къ современному, представляетъ вообще гораздо болѣе развитую стадію культуры, нежели палеолитическій. Люди въ это время имѣли уже многихъ домашнихъ животныхъ (собаку, овцу, корову, свинью), были знакомы съ земледѣліемъ,

умѣли ткать ткани, приготовляли разнообразную горшечную посуду, воздвигали каменныя гробницы, строили себѣ жилища изъ дерева, нерѣдко на сваяхъ, надъ водою (на озерахъ). Климатическія условія Западной Европы въ этомъ періодѣ не отличались отъ современныхъ, равно какъ и флора и фауна были тождественныя, съ тѣмъ развѣ только различіемъ, что многіе дикія животныя, служившія предметомъ охоты, какъ, напримѣръ: медвѣдь, волкъ, благородный олень, зубръ кабанъ, которыя теперь сохранились только въ болѣе лѣсистыхъ и малолюдныхъ мѣстностяхъ, тогда водились въ бо́льшемъ количествѣ и на бо́льшемъ пространствѣ. Совершенно иное представляетъ намъ палеолитическій періодъ, относящійся къ гораздо болѣе глубокой древности. Люди въ эту эпоху отыскивали себѣ убѣжища въ пещерахъ, не знали другихъ жилищъ, не были знакомы съ скотоводствомъ и земледѣліемъ, одѣвались, по всей вѣроятности, въ звѣриныя шкуры и только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ знали, повидимому, употребленіе грубой горшечной посуды. Главнѣйшей, если не единственной пищей имъ служило мясо дикихъ звѣрей, которые водились тогда въ большомъ числѣ, и между ними существовали виды, нынѣ совершенно вымершіе, или по крайней мѣрѣ удалившіеся на глубокій сѣверъ, или на высокія вершины горъ. Къ числу первыхъ, то-есть вымершихъ видовъ, принадлежатъ: мамонтъ, или ископаемый слонъ, носорогъ, гигантскій олень, первобытный гиппопотамъ, мускусный быкъ, первобытный быкъ, гигантскій медвѣдь (такъ называемый „пещерный“, потому что кости его находятъ преимущественно въ пещерахъ), пещерный левъ, пещерная гіена, дикая лошадь; къ числу вторыхъ могутъ быть отнесены: сѣверный олень (который теперь водится только на сѣверѣ Норвегіи и Европейской Россіи, въ Сибири и на сѣверѣ Америки, а въ ту эпоху водился во всей западной Европѣ, до Пиринеевъ и Альповъ); лось, теперь истребленный повсюду въ западной Европѣ; сайга, сохранившаяся теперь только въ Прикаспійскихъ и Аральскихъ степяхъ; серна и горный козелъ, водящіеся теперь только въ вершинахъ Альповъ, Пиринеевъ, Карпатовъ и другіе. Существованіе такихъ формъ указываетъ уже само по себѣ на весьма глубокую древность, такъ какъ о мамонтѣ, носорогѣ, пещерномъ медвѣдѣ—не сохранилось никакихъ извѣстій въ историческую эпоху, даже никакихъ преданій, и есть всѣ основанія полагать, что они вымерли задолго до начала исторіи. Съ другой стороны, присутствіе такихъ животныхъ, какъ сѣверный олень, мускусный быкъ, серна и др., въ равнинахъ южной Франціи и Германіи, показываетъ, что климатическія условія того времени были отличны отъ настоящихъ и что климатъ былъ вообще холоднѣе современнаго, что̀ въ свою очередь свидѣтельствуетъ о глубокой древности, такъ какъ такія измѣненія климата могутъ совершаться только въ теченіи длиннаго рода вѣковъ и обусловливаться важными измѣненіями въ распредѣленіи на земной поверхности воды и суши. Геологическія наблюденія показываютъ, что значительная часть Европы въ эту эпоху была покрыта громадными ледниками (глетчерами), которые спускались со всѣхъ болѣе значительныхъ возвышенностей и покрывали массою своего льда обширныя пространства. Такъ вся Финляндія представляла въ то время собраніе мощныхъ ледниковъ, которые спускались въ низменности Новгородской, Олонецкой, Балтійскихъ губерній, подымались за тѣмъ на Валдайскую возвышенность и проникали отдѣльными выступами (напримѣръ по долинѣ нынѣшней Волги) далеко на югъ. Распространеніе такъ называемыхъ эрратическихъ камней или валуновъ, слѣды колоссальныхъ ледниковыхъ моренъ, изборожденіе скалъ, замѣчаемое въ Финляндіи и многіе другіе факты доказываютъ положительнымъ образомъ это громадное нѣкогда развитіе ледниковъ, которое и послужило поводомъ къ названію указанной эпохи „ледниковымъ“ періодомъ.

Матеріалы, которыми мы можемъ располагать для познанія человѣка въ продолженіи каменнаго періода, заключаются въ остаткахъ его костей, въ костяхъ окружавшихъ его животныхъ и въ произведеніяхъ его культуры или индустріи. Для неолитическаго періода мы можемъ располагать большимъ числомъ каменныхъ топоровъ, молотковъ, клиньевъ, долотъ, кремневыхъ стрѣлокъ и т. под., найденныхъ во множествѣ мѣстностей не только въ Европѣ, но и въ другихъ частяхъ свѣта. Такія орудія, находимыя бо́льшей частью случайно, въ землѣ, не могутъ однако дать намъ достаточно обстоятельнаго понятія о бытѣ и культурѣ племени, и въ этомъ отношеніи большую важность

представляютъ находки въ могилахъ, свайныхъ постройкахъ, пещерахъ, такъ наз. „кухонныхъ остаткахъ“ и т. под. Остатки древнихъ свайныхъ построекъ, найденные во многихъ озерахъ Швейцаріи, а также и въ нѣкоторыхъ озерахъ Австріи, Германіи, Франціи, Италіи, дали богатый матеріалъ для познанія культуры неолитическаго вѣка,—матеріалъ, состоящій въ каменныхъ и костяныхъ орудіяхъ, остаткахъ посуды, украшеніяхъ, костяхъ дикихъ и домашнихъ животныхъ, остаткахъ употреблявшихся въ пищу растеній и т. д. На основаніи этихъ остатковъ мы можемъ составить себѣ понятіе какъ объ оружіи и орудіяхъ тогдашнихъ людей, такъ и объ ихъ пищѣ, жилищахъ, одеждѣ, развитіи у нихъ скотоводства и земледѣлія и т. д. Съ другой стороны, такъ какъ въ нѣкоторыхъ свайныхъ постройкахъ встрѣчаются орудія изъ бронзы, въ другихъ даже изъ желѣза, а во Франціи были найдены озерныя постройки, относящіяся даже къ эпохѣ Карловинговъ, то мы можемъ, при помощи остатковъ изъ всѣхъ этихъ построекъ, судить о постепенномъ развитіи культуры черезъ бронзовый и желѣзный вѣка до начала исторической эпохи.

Съ болѣе первобытной культурой знакомятъ насъ такъ-называемые „кухонные остатки“ Даніи (кьёккенмёддинги), именно кучи устричныхъ раковинъ, находившіяся нѣкогда на берегу моря, а теперь большей частью удаленныя отъ него на нѣсколько верстъ (вслѣдствіе поднятія морскаго берега), и въ которыхъ, кромѣ остатковъ съѣдобныхъ раковинъ, попадаются также грубыя каменныя орудія и разбитыя кости звѣрей и птицъ. Нахожденіе въ рѣдкихъ случаяхъ полированныхъ каменныхъ топоровъ и отсутствіе видовъ животныхъ, наиболѣе характеристичныхъ для палеолитическаго вѣка, указываетъ, что образованіе этихъ отложеній относится къ неолитическому періоду, но присутствіе значительнаго количества грубо оббитыхъ кремневыхъ орудій, равно какъ и костей такихъ животныхъ, которые были истреблены, или удалились изъ Даніи въ доисторическую эпоху, свидѣтельствуетъ, что отложенія эти должны быть отнесены къ началу эпохи неолитическаго періода. Мы имѣемъ въ этихъ остаткахъ слѣды подобной же культуры и быта, какую представляютъ намъ, напримѣръ, жители Огненной земли или Пешересы; мы видимъ передъ собою какое-то бѣдное, бродячее племя, жившее по берегамъ моря, питавшееся устрицами, рыбою, мясомъ дикихъ звѣрей и птицъ, имѣвшее единственными орудіями—сдѣланныя изъ камня, рога и можетъ быть дерева, имѣвшее единственнымъ домашнимъ животнымъ собаку и одѣвавшееся, по всей вѣроятности, въ звѣриныя шкуры.

Въ нѣкоторыхъ пещерахъ и въ такъ называемыхъ *дольменахъ*, или каменныхъ гробницахъ, мы встрѣчаемъ, напротивъ того, слѣды значительно уже болѣе развитой культуры. Мы находимъ тутъ гораздо болѣе разнообразныя и лучше отдѣланныя каменныя и костяныя орудія, встрѣчаемъ остатки многихъ домашнихъ животныхъ (коровы, овцы, свиньи, собаки), слѣды земледѣлія (ручныя мельницы или зернодробилки), отчасти даже знакомство съ бронзой. Такъ, въ нѣкоторыхъ дольменахъ, кромѣ каменныхъ топоровъ или превосходно оббитыхъ наконечниковъ копій и стрѣлъ, кромѣ многочисленныхъ остатковъ глиняной посуды и разныхъ украшеній, попадаются также бусы и колечки изъ бронзы. Несмотря, однако, на это присутствіе вещей изъ бронзы, археологи причисляютъ дольмены вообще къ каменному (неолитическому) [illegible] основаніи, что подъ именемъ бронзоваго вѣка въ археологіи разумѣется такая эпоха, когда бронза сдѣлалась преобладающимъ матеріаломъ для орудій, и когда въ особенности она замѣнила камень, какъ матеріалъ для оружія—топоровъ, мечей, ножей, копій и стрѣлъ; одно же присутствіе бронзовыхъ украшеній, да притомъ въ маломъ количествѣ, еще не можетъ достаточно характеризовать эпохи, такъ какъ такія украшенія могли получаться изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, путемъ передачи отъ народовъ болѣе цивилизованныхъ. Кромѣ того, для характеристики бронзовой эпохи большое значеніе имѣетъ еще орнаментація издѣлій изъ бронзы, которая представляетъ особые, характерные типы и явственно отличаетъ ихъ отъ подобныхъ же издѣлій позднѣйшей эпохи желѣзнаго вѣка. Что касается дольменовъ, то эти „мегалитическія“, т. е. сложенныя изъ большихъ камней или плитъ гробницы могутъ дать намъ, помимо общаго понятія о культурѣ эпохи, еще нѣкоторыя спеціальныя свѣдѣнія о способѣ погребенія, о распространеніи и типѣ воздвигавшихъ ихъ племенъ. Къ сожалѣнію, что касается типа, свѣдѣнія наши поку-

да еще весьма скудны, такъ какъ находимыя въ этихъ гробницахъ кости, особенно черепа, въ большинствѣ случаевъ, оказываются настолько пострадавшими отъ времени, настолько фрагментарными, что по нимъ трудно составить себѣ достаточное понятіе объ особенностяхъ ихъ формы. Достовѣрно извѣстно только то, что во многихъ дольменахъ находятъ по нѣскольку погребеній, то есть остатки нѣскольких скелетовъ, и что, судя по положенію костей, надо предположить, что покойниковъ хоронили обыкновенно въ сидячемъ или скорченномъ положеніи, какъ это въ обычаѣ еще и теперь у многихъ племенъ Африки, Америки и Азіи.

Относительно географическаго распространенія воздвигавшихъ дольмены племенъ, мы можемъ судить до нѣкоторой степени изъ распространенія самыхъ этихъ монументовъ. Въ западной Европѣ дольмены встрѣчаются только въ странахъ, прилегающихъ къ Средиземному морю, Атлантическому океану, Нѣмецкому и Балтійскому морямъ; другими словами, ихъ нѣтъ въ срединѣ континента, нѣтъ въ южной и большей части средней Германіи, въ Австріи, Швейцаріи, Турціи, Россіи; ихъ нѣтъ также въ Италіи (за исключеніемъ одной мѣстно[illegible] Ор-[illegible]), Сициліи, Норвегіи и Швеціи (за исключеніемъ самой южной провинціи — Сканіи). На крайнемъ западѣ и югѣ они начинаются въ Испаніи и Португаліи; затѣмъ они весьма распространены во Франціи, какъ на центральной возвышенности, такъ и, въ особенности, въ Бретани и Нормандіи; далѣе они встрѣчаются на островахъ Ламанша, въ Великобританіи (особенно въ западныхъ частяхъ, въ Уэлльсѣ, въ Ирландіи, въ западной Шотландіи), въ Бельгіи (мало), въ Голландіи, Даніи, Сканіи и сѣверной Германіи. Здѣсь, по долинѣ Эльбы, они спускаются на югъ до Саксоніи и Тюрингенвальда, а на востокъ попадаются, хотя и рѣдко, до Силезіи и Кенигсберга. Въ восточной Европѣ они существуютъ еще, въ небольшомъ числѣ, въ Греціи, въ Крыму и на Кавказѣ, а за предѣлами Европы встрѣчаются по южному побережью Средиземнаго моря, въ Алжирѣ, Триполи, Тунисѣ, въ Сиріи, Пелестинѣ и въ Индіи.

Такое распространеніе сходныхъ по формѣ, хотя и представляющихъ нѣкоторыя различія въ частностяхъ, мегалитическихъ гробницъ навело нѣкоторыхъ ученыхъ на мысль, что построеніе ихъ было дѣломъ одного народа, или одного племени, о постепенномъ распространеніи котораго мы можемъ судить, основываясь на распространеніи самыхъ памятниковъ. Прежде всего, конечно, должно было явиться предположеніе, что племя это вышло изъ Азіи, откуда оно двинулось, съ одной стороны, чрезъ Кавказъ и Крымъ къ Балтійскому морю, съ другой стороны — чрезъ Сирію и сѣверное побережье Африки, въ Испанію, Францію и Великобританію. Такое предположеніе и раздѣляется дѣйствительно нѣкоторыми учеными, хотя слѣдуетъ замѣтить, что есть факты, которые, повидимому, ему противорѣчатъ. Если бы распространеніе дольменовъ, а слѣдовательно и воздвигавшихъ ихъ племенъ, шло дѣйствительно въ указанномъ направленіи, то мы могли бы ожидать, что на югѣ и востокѣ дольмены должны были бы представлять болѣе простое устройство и заключать въ себѣ остатки болѣе первобытной культуры, чѣмъ на сѣверѣ и западѣ, гдѣ они стали воздвигаться позже. На самомъ же дѣлѣ мы видимъ скорѣе обратное, именно мы находимъ, что дольмены Бретани и Даніи достигаютъ часто большихъ размѣровъ и заключаютъ въ себѣ исключительно полированные каменные топоры и другія произведенія неолитическаго періода, тогда какъ во Франціи, Испаніи, Африкѣ въ нихъ нерѣдко попадаются издѣлія изъ бронзы, а дольмены Крыма и Кавказа заключаютъ въ себѣ даже предметы изъ желѣза. Впрочемъ, нужно замѣтить, что значительная часть дольменовъ западной Европы была уничтожена въ разное время (для построекъ, для воздѣлыванія земли подъ пашню и т. д.), или подверглась опустошенію искателями кладовъ; съ другой стороны дольмены Азіи покуда еще весьма мало изслѣдованы, и мы совершенно не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о нихъ въ предѣлахъ между Сиріей и Индіей.

Всѣ перечисленные роды древностей: кухонные остатки, свайныя постройки, дольмены — относятся, какъ сказано, уже къ позднѣйшей эпохѣ каменнаго вѣка, къ такъ-называемому *неолитическому* періоду; но мы знаемъ, что человѣкъ существовалъ еще гораздо ранѣе, въ продолженіе долгаго *палеолитическаго* періода. Остатки человѣка и слѣды его культуры въ этомъ періодѣ находятъ или въ древнихъ рѣчныхъ наносахъ или въ пещерахъ. Въ

послѣднихъ найдено было гораздо болѣе остатковъ, такъ что онѣ дали самые богатые матеріалы для познанія человѣка и его культуры въ теченіе этой древней эпохи. Въ пещерахъ находятъ слѣды стоянокъ и очаговъ, кости животныхъ, служившихъ въ пищу человѣку, каменныя и костяныя орудія, а иногда и кости самаго человѣка. Понятно, что далеко не всѣ пещеры заключаютъ въ себѣ подобные остатки; многія изъ нихъ не содержатъ въ себѣ ровно ничего, другія—только остатки дикихъ животныхъ, которымъ онѣ служили убѣжищемъ, или кости которыхъ были занесены потоками; третьи, наконецъ, были обитаемы человѣкомъ уже въ позднѣйшій, неолитическій или желѣзный вѣкъ, или даже въ смутныя времена исторической эпохи, и заключаютъ въ себѣ поэтому остатки позднѣйшей культуры. Иногда въ одной и той же пещерѣ находятъ нѣсколько послѣдовательныхъ слоевъ, изъ коихъ болѣе глубокіе заключаютъ въ себѣ слѣды древнѣйшей культуры, а ближайшіе къ поверхности—остатки послѣдующихъ эпохъ. Во всякомъ случаѣ, эти такъ-называемые „культурные" слои только тогда могутъ представлять для насъ значеніе и интересъ, когда они сохранили свое первоначальное напластованіе, то-есть, когда они были защищены отъ разрушительныхъ атмосферныхъ вліяній и не были тронуты человѣкомъ (не подвергались раскопкѣ) въ позднѣйшіе вѣка.

Не трудно понять, что если слои перемѣшаны и взрыты, то мы не можемъ имѣть увѣренности въ автентичности остатковъ, или въ ихъ принадлежности къ одной и той же древней эпохѣ. Съ другой стороны, понятно также, что всѣ предметы способные разрушаться, какъ напримѣръ кости, или сдѣланныя изъ нихъ вещи, не могутъ долго сохраниться, если будутъ оставаться на поверхности, или даже въ землѣ и пескѣ, но на небольшой глубинѣ. Для того, чтобы они могли въ большей или меньшей степени сохраниться въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, нужно, чтобъ ихъ покрылъ твердый слой сталагмитовъ, т.-е. болѣе или менѣе толстый пластъ извести. Такіе слои встрѣчаются, впрочемъ, довольно часто въ пещерахъ, гдѣ они образуются отъ осажденія извести изъ просачивающейся съ потолка и стѣнъ пещеръ воды. Извѣстно, что пещеры встрѣчаются по преимуществу въ известковыхъ горныхъ породахъ, просачивающаяся сквозь которыя вода должна быть насыщена известью. Эта вода, выступая мѣстами на потолкѣ и стѣнахъ пещеры, осаждаетъ, въ соприкосновеніи съ воздухомъ, содержащуюся въ ней известь, которая и образуетъ накипь или сосульки (сталактиты) на потолкѣ пещеры, а также, падая каплями вслѣдствіе тяжести внизъ, подобную же накипь или известковыя сосульки и на днѣ пещеры. Вотъ такой-то известковый налетъ или слой сталагмитовъ, постепенно утолщаясь въ теченіе вѣковъ, покрываетъ мало-по-малу песокъ, землю и всѣ предметы, попавшіе на дно пещеры, и тѣмъ предохраняетъ въ большей или меньшей степени отъ разрушительнаго вліянія атмосферныхъ дѣятелей.

Наибольшее число пещеръ, заключающихъ въ себѣ остатки палеолитическаго періода, было открыто до сихъ поръ во Франціи, затѣмъ въ Англіи и Бельгіи, и въ гораздо меньшемъ числѣ — въ южной Германіи, Австріи и Испаніи. Въ Италіи онѣ почти неизвѣстны, а въ Голландіи, Даніи, сѣверной Германіи, Швеціи ихъ совершенно нѣтъ. Въ восточной Европѣ подобныя пещеры были найдены въ Польшѣ, но далѣе на востокъ, въ [illegible] нихъ покуда ничего неизвѣстно. Весьма вѣроятно, что и у насъ современемъ найдутся пещеры съ подобными отложеніями, особенно на Кавказѣ, въ отрогахъ Урала, въ Сибири, но до сихъ поръ основательныхъ изслѣдованій ихъ произведено не было, или они не увѣнчались успѣхомъ. Вообще, хотя у насъ находятъ не мало каменныхъ орудій, какъ полированныхъ топоровъ, молотковъ, клиньевъ, долотъ, такъ и болѣе грубо оббитыхъ наконечниковъ копій, стрѣлъ, скребковъ, но большею частью такія находки дѣлаются случайно, отдѣльными экземплярами, на пахотныхъ поляхъ, въ лѣсахъ, по берегамъ рѣкъ, моря и т. д., причемъ мы не имѣемъ данныхъ опредѣлить точнѣе ихъ древность, или ихъ принадлежность тому или другому археологическому періоду. Для подобнаго опредѣленія необходимо, чтобы орудія были найдены въ нетронутомъ слоѣ, вмѣстѣ съ другими произведеніями человѣческой индустріи и вмѣстѣ съ костями существовавшихъ въ ту же эпоху животныхъ. У насъ же до сихъ поръ не было найдено —ни отложеній, соотвѣтствующихъ датскимъ кьёккенмёддингамъ (кухоннымъ ос-

таткамъ), ни озерныхъ построекъ на сваяхъ, соотвѣтствующихъ швейцарскимъ пфальбаутамъ. Нѣчто въ этомъ родѣ, впрочемъ, было открыто (какъ напримѣръ, такъ называемыя *кострища*, т. е. остатки костей различныхъ животныхъ, костяныхъ орудій, черепковъ и пр., или слѣды древнихъ поселеній въ Олонецкой губерніи и около Мурома), а въ будущемъ, по всей вѣроятности, число такихъ находокъ еще значительно увеличится. Что касается свайныхъ построекъ, то есть нѣкоторыя основанія предполагать, что онѣ должны открыться въ нѣкоторыхъ озерахъ Закавказскаго края, и мы слышали, что графъ А. С. Уваровъ предполагаетъ снарядить въ скоромъ времени экспедицію для изслѣдованія этихъ озеръ, въ виду имѣющаго быть въ 1881 году археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ.

Относительно каменныхъ орудій слѣдуетъ еще замѣтить, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи были найдены весьма значительныя скопленія ихъ на небольшомъ пространствѣ, которыя можно объяснить не иначе, какъ допустивъ, что здѣсь было мѣсто ихъ фабрикаціи. Одно изъ такихъ мѣстъ находится на далекомъ сѣверѣ, на берегу Бѣлаго моря, у села Зимней-Золотицы (въ 150 [illegible] Архангельска). Здѣсь находятъ массы кремневыхъ осколковъ, наконечниковъ стрѣлъ и копій, скребковъ, грузилъ и т. д., много образцовъ коихъ были добыты въ послѣднее время для комитета выставки—гг. Кельсіевымъ, Зенгеромъ, Зографомъ и Сандбергомъ, во время ихъ поѣздокъ къ Бѣлому морю и въ Лапландію. Недавно у насъ сдѣлана была и еще болѣе важная находка, относящаяся уже къ палеолитическому періоду; это именно — находка графомъ А. С. Уваровымъ, близь села Карачарова, Муромскаго уѣзда, костей мамонта вмѣстѣ съ грубыми кремневыми орудіями (осколками), въ древнемъ наносномъ слоѣ, на глубинѣ нѣсколькихъ футовъ.

Возвратимся, однако, къ пещерамъ западной Европы. Какъ можно уже предположить a priori, пещеры, содержащія въ себѣ культурные слои палеолитическаго періода, представляютъ не вездѣ слѣды одной и той же эпохи и культуры. Во-первыхъ, если и теперь масса народа въ разныхъ государствахъ Европы, или даже въ различныхъ областяхъ одного государства, представляетъ не мало мѣстныхъ особенностей въ бытѣ и степени культуры, то и въ прежнія эпохи различныя племена, разобщенныя между собою естественными преградами (горами, морями, степями и т. п.), или языкомъ и племенною враждою, должны были отличаться нѣсколько одно отъ другаго въ подробностяхъ своего быта. Съ другой стороны, человѣческая культура, какъ мы знаемъ, способна къ прогрессу, и если и справедливо, что прогрессъ этотъ замѣчается не въ одинаковой степени у всѣхъ племенъ, то тѣмъ не менѣе, въ той или другой формѣ, въ большей или меньшей степени онъ присущъ всѣмъ расамъ и племенамъ человѣчества. Въ палеолитическій періодъ, не смотря на примитивную степень тогдашней культуры, вліяніе его должно было также проявляться, и дѣйствительно археологи (а отчасти и палеонтологи) могли подмѣтить въ этомъ періодѣ нѣсколько послѣдовательныхъ эпохъ, точный порядокъ и параллелизмъ которыхъ въ различныхъ областяхъ Европы, впрочемъ, еще не проведенъ съ достаточною точностью. Отрывочность и случайность находокъ, которыя притомъ обратили на себя вниманіе лишь въ послѣднія 15—20 лѣтъ, служатъ причиною многихъ пробѣловъ въ нашемъ знаніи о древнѣйшихъ судьбахъ человѣчества и не дозволяютъ еще обнять въ одной цѣльной картинѣ первобытный періодъ человѣческой исторіи. Тѣмъ не менѣе, изслѣдованія послѣдняго времени представили убѣдительныя доказательства, что человѣкъ явился въ Европѣ еще въ предшествовавшую геологическую эпоху, именно въ концѣ третичнаго періода, когда климатъ западной Европы былъ, по всей вѣроятности, теплѣе настоящаго, и когда въ ней водились еще многія животныя, ближайшихъ родичей которыхъ мы встрѣчаемъ теперь только въ тропическихъ странахъ. Затѣмъ человѣкъ былъ здѣсь свидѣтелемъ, какъ климатъ сталъ постепенно подвергаться измѣненію, какъ распредѣленіе суши и моря стало инымъ, какъ годовая температура стала постепенно понижаться. Онъ былъ свидѣтелемъ, какъ, вслѣдствіе увеличенія влажности климата и пониженія температуры, горные ледники или глетчеры (т. е. массы льда, находящіяся теперь на вершинахъ высокихъ горъ) стали увеличиваться въ своемъ объемѣ, стали спускаться все ниже и ниже по склонамъ горъ и заняли наконецъ обширныя пространства. Эти массы льда, въ свою очередь, еще болѣе способствовали охлажде-

вію климата и вызвали цѣлый рядъ измѣненій въ окружающей человѣка флорѣ и фаунѣ. Многія растенія, прозябающія теперь на вершинахъ горъ и въ полярныхъ странахъ, распространились тогда въ равнины болѣе южныхъ странъ; многіе виды животныхъ вымерли или отступили къ югу, и на смѣну ихъ явились другіе, болѣе приспособленные къ холодному климату. Человѣкъ былъ свидѣтелемъ всего этого и перенесъ всѣ эти климатическія измѣненія. Онъ не былъ побѣжденъ природою, не палъ жертвою такихъ неблагопріятныхъ, повидимому, условій. Онъ вступилъ въ упорную борьбу за свое существованіе и, одаренный значительной способностью приспособленія, вышелъ побѣдителемъ изъ этой борьбы. Мало того, эти неблагопріятныя условія повліяли, повидимому, благотворно на прогрессъ его культуры и способствовали развитію и изощренію его способностей. Принужденный питаться по преимуществу мясомъ животныхъ, онъ усовершенствовалъ мало-по-малу свои первобытныя охотничьи оружія и придумалъ въ дополненіе къ нимъ новыя изъ камня, кости, рога и дерева. Онъ сталъ шить себѣ одежду [illegible] до изобрѣтенія горшечной посуды, приручилъ себѣ (нѣсколько позже) собаку, развилъ въ себѣ даже артистическія способности, именно сталъ украшать свои костяныя орудія разнобразной орнаментаціей и даже копировать съ поразительною вѣрностью формы извѣстныхъ ему животныхъ.

Такой прогрессъ совершился однако не разомъ и потребовалъ повидимому для своего осуществленія долгаго періода времени. Каменныя орудія, находимыя въ древнѣйшихъ слояхъ, отличаются крупными размѣрами, тяжелой формой, грубой примитивной обдѣлкой. Мало-по-малу отдѣлка ихъ становится тщательнѣе, они уменьшаются въ размѣрахъ, форма ихъ становится разнообразнѣе, и между ними можно отличить типы стрѣлъ, наконечниковъ копій, ножей, пилъ, скребковъ, топоровъ и др. Еще позже, являются въ дополненіе къ нимъ орудія изъ оленьяго рога и кости, обдѣланныя въ формѣ стрѣлокъ, гарпуновъ (остріевъ съ рядомъ зубцовъ), долотъ, кинжаловъ, шилъ, иголокъ, разныхъ лопаточекъ и др., въ числѣ коихъ есть и такія, опредѣлить назначеніе которыхъ до сихъ поръ еще не удалось, хотя, по ихъ типичности и распространенію, и слѣдуетъ думать, что они имѣли немаловажное значеніе въ быту тогдашнихъ дикарей. Большая часть этихъ орудій изъ рога украшена орнаментаціей, именно правильными зарубками, черточками, рядомъ зигзаговъ, треугольниковъ и т. п., а иныя представляютъ даже вырѣзанныя или сдѣланныя рельефно изображенія животныхъ (сѣвернаго оленя, дикой лошади, зубра, даже мамонта). Въ нѣкоторыхъ пещерахъ были найдены также тонкія костяныя пластинки съ рядами неодинаковыхъ нарѣзокъ и отростки оленьихъ роговъ съ разными, очевидно дѣланными съ извѣстною цѣлью зарубками. Предполагаютъ, что такія черты и нарѣзки служили для отмѣтки извѣстныхъ событій или для счета, т. е. представляли примитивныя бирки. Были найдены также разныя украшенія изъ продырявленныхъ звѣриныхъ зубовъ, раковинъ, костяшекъ, и куски красной охры рядомъ съ небольшимъ костянымъ трезубцемъ, весьма напоминающимъ подобныя же ордія у нѣкоторыхъ современныхъ дикарей, у которыхъ они служатъ для татуированія кожи. Вѣроятно, что и первобытные дикари Европы любили украшать себя разными бездѣлушками, а также и расписывали себѣ лицо, въ родѣ того, какъ это [illegible] многіе дикари, какъ въ жаркихъ, такъ и въ холодныхъ странахъ.

Наиболѣе богатые матеріалы для познанія культуры этого періода, въ ея наивысшей степени развитія, дали намъ до сихъ поръ пещеры южной Франціи, именно находящіяся въ департаментѣ Дордони, особенно въ долинѣ рѣки Везеры, а также вблизи Пиренеевъ. Повидимому, уже въ тѣ отдаленныя времена населеніе Франціи отличалось отъ своихъ сосѣдей большей интеллигентностью и артистичностью. Соотвѣтственныя отложенія пещеръ Англіи, Бельгіи, Германіи гораздо бѣднѣе предметами изъ кости и рога и заключаютъ въ себѣ по преимуществу орудія болѣе грубой отдѣлки, хотя вообще бытъ населенія всѣхъ этихъ странъ и представлялъ большое сходство въ палеолитическій періодъ.

Изученіе остатковъ человѣка и его культуры, находимыхъ въ отложеніяхъ палеолитическаго періода, именно стремленіе уяснить типъ и бытъ тогдашняго населенія Европы, повело по необходимости къ сопоставленію данныхъ, добытыхъ изъ раскопокъ, съ тѣмъ, что намъ представляютъ современные дикари. Для того, чтобы объяснить значеніе отдѣльныхъ вещей,

а также, чтобы, на основаніи сдѣланныхъ находокъ, дойдти вообще до болѣе опредѣленнаго представленія о бытѣ и степени культуры европейскихъ дикарей палеолитическаго періода, пришлось обратиться къ сравненію ихъ съ современными дикарями и искать въ бытѣ послѣднихъ аналогій и объясненія быта первыхъ. Данныя для такого сравненія можно было найти въ описаніяхъ очевидцевъ-путешественниковъ, миссіонеровъ и т. д., какъ старинныхъ, такъ и новѣйшихъ, имѣвшихъ возможность познакомиться ближе съ бытомъ первобытныхъ племенъ Австраліи, Америки и другихъ странъ, а также — въ этнографическихъ музеяхъ, гдѣ мало по малу скопилось много предметовъ (орудій, оружія, украшеній, костюмовъ и т. п.) употребляемыхъ дикарями въ различныхъ странахъ. Такое сравненіе показало, что многія древнія каменныя и костяныя орудія представляютъ большое сходство съ употребляемыми еще и теперь нѣкоторыми дикарями, и что вообще существуютъ племена, которыя еще въ настоящее время, или по крайней мѣрѣ еще недавно, въ началѣ нынѣшняго и концѣ прошлаго столѣтія, находились на степени развитія, соотвѣтствующей куль- [illegible] вѣка. Такъ, новозеландцы, напримѣръ, еще и теперь употребляютъ грубо оббитые каменные топоры, совершенно сходные съ подобными же орудіями, находимыми въ датскихъ „кухонныхъ остаткахъ“. Во всей Австраліи и Полинезіи, до прибытія европейцевъ, металлическія орудія были совершенно неизвѣстны, и ихъ замѣняли сдѣланныя изъ камня, кости, раковинъ или дерева. У австралійцевъ и папуасовъ еще и теперь можно встрѣтить копья съ наконечниками изъ кремня или заостренной кости, а также каменные молотки и ножи, прикрѣпляемые къ деревянной рукояткѣ или помощью веревки, или посредствомъ особой смолы. У эскимосовъ, живущихъ на крайнемъ сѣверѣ Америки, употребляются еще кое-гдѣ и теперь кремневыя орудія, совершенно сходныя съ такъ называемыми „скребками“ (grattoirs), изъ пещеръ палеолитическаго періода; эти скребки и получили свое названіе отъ сходства ихъ съ такими же орудіями эскимосовъ, у которыхъ они укрѣпляются въ костяныхъ ручкахъ и дѣйствительно служатъ для оскабливанія или очистки кожъ. У эскимосовъ же мы находимъ въ употребленіи кремневые наконечники копій и стрѣлъ, кремневые ножи, костяные гарпуны съ зубцами, орудія изъ рога сѣвернаго оленя, костяныя ложки для выниманія мозга изъ костей (составляющаго лакомство), костяныя иголки, а также встрѣчаемъ костяныя орудія и пластинки съ вырѣзанными на нихъ изображеніями животныхъ и охотничьихъ сценъ, — все предметы, весьма напоминающіе подобные же изъ пещеръ западной Европы. Вообще, изъ всѣхъ современныхъ племенъ, эскимосы, по степени своей культуры и подробностямъ своего быта, повидимому наиболѣе подходятъ къ европейскимъ дикарямъ палеолитическаго періода.

Въ настоящее время, впрочемъ, почти всѣ эти племена дикарей уже вышли болѣе или менѣе изъ своего первобытнаго состоянія, вступили въ сношенія съ европейцами и заимствовали у нихъ употребленіе желѣза и кой-какіе другіе продукты современной цивилизаціи. Настоящихъ дикарей, живущихъ вполнѣ обособленно и находящихся еще вполнѣ въ каменномъ вѣкѣ, теперь найдти уже трудно, развѣ гдѣ нибудь въ глухой части Австраліи или Новой Гвинеи. Впрочемъ и вообще названіе „дикари“ не можетъ считаться [illegible] какъ оно подразумѣваетъ полное отсутствіе культуры и состояніе животной дикости, не мыслимое для нормальнаго человѣка и не найденное ни у одного народа. Всякій народъ, на какой бы низкой ступени онъ ни находился, обладаетъ извѣстной культурой, и, изучая его ближе, можно убѣдиться, что онъ обладаетъ языкомъ (часто весьма сложной конструкціи), имѣетъ извѣстныя религіозныя и правовыя понятія, употребляетъ разныя орудія и украшенія. Съ другой стороны археологія, лингвистика, этнографія представляютъ намъ много доказательствъ, что народы, нынѣ болѣе или менѣе цивилизованные, находились нѣкогда въ первобытномъ состояніи, а также, что съ развитіемъ цивилизаціи первобытныя формы культуры не исчезаютъ совершенно, но слѣды ихъ сохраняются еще долго въ бытѣ, повѣрьяхъ и обычаяхъ народовъ.

Изученіе быта человѣка въ доисторическую эпоху и сопоставленіе его съ бытомъ современныхъ дикарей дало сильный толчокъ изслѣдованію формъ первобытной культуры вообще. Явилась потребность опредѣлить точнѣе тѣ формы, которыя представляетъ культура на низшихъ ступеняхъ развитія и прослѣдить внимательнѣе исторію развитія семьи, общест-

ва, религіи, миѳовъ, нравственности, обычаевъ, правовыхъ отношеній, индустріи, искусства и другихъ сторонъ и явленій жизни человѣчества. Замѣчательныя изслѣдованія Тэйлора, Спенсера, Лёббока, Гейгера, Макъ-Леннана, Моргана и другихъ положили основы этой новой наукѣ о первобытной культурѣ, наукѣ, которая вводитъ насъ въ пониманіе сущности и генезиса самыхъ высшихъ явленій человѣческой природы, и выводы которой окажутъ, безъ сомнѣнія, весьма важное вліяніе на прогрессъ человѣческаго самопознанія.

Матеріалы для своихъ выводовъ исторія первобытной культуры находитъ въ данныхъ доисторической археологіи, сравнительнаго языковѣдѣнія (преимущественно въ отдѣлѣ такъ называемой „палеонтологіи языка"), и въ особенности — *этнографіи* или народоописанія, то-есть въ массѣ извѣстій объ отдѣльныхъ племенахъ (ихъ бытѣ, религіи, обычаяхъ, литературѣ и т. д.), собранныхъ путешественниками и изслѣдователями народной жизни. Этнографическія данныя представляютъ покуда наиболѣе важный источникъ, такъ какъ онѣ даютъ наибольшее число фактовъ, касающихся проявленій психической жизни у различныхъ народовъ и на различныхъ ступеняхъ культуры. Собственно говоря, однако, данныя объ отдѣльныхъ народахъ, даже расположенныя въ извѣстной системѣ, не составляютъ еще сами по себѣ науки. Это ничто иное, какъ сырой матеріалъ, разбросанный по множеству источниковъ, и который, даже если его сгруппировать по народамъ и рубрикамъ, въ состояніи только обогатить наше фактическое знаніе. Для того, чтобы этотъ сырой матеріалъ получилъ значеніе науки, нужно, чтобы онъ былъ подвергнутъ сравнительному анализу, на основаніи котораго можно бы было затѣмъ приступить къ синтезу и, уловивъ связь между отдѣльными фактами, дойдти до извѣстныхъ общихъ выводовъ или теорій. Преслѣдуя такія цѣли, этнографія, изъ чисто описательной отрасли знанія становится настоящей наукой, этнологіей (ученіемъ или наукой о народахъ). Въ своей аналитической части она относится къ этнографіи, какъ сравнительная анатомія къ описательной естественной исторіи. Подобно тому, какъ въ сравнительной анатоміи берутъ одинъ какой-нибудь органъ, напримѣръ глазъ, и изучаютъ его осложненія на различныхъ ступеняхъ животнаго царства, такъ и въ этнологіи берется какое-нибудь одно проявленіе народной дѣятельности, напримѣръ жилище, костюмъ, оружіе, извѣстный обычай, идея, миѳъ, и изучается въ его видоизмѣненіяхъ по различнымъ странамъ и народамъ. Задача этнологіи однако не ограничивается только такимъ сравнительнымъ анализомъ отдѣльныхъ явленій жизни народовъ, она имѣетъ дальнѣйшей задачей прослѣдить связь между отдѣльными явленіями и изучить ихъ развитіе, — задача, которая весьма сближаетъ ее съ исторіей первобытной культуры. Съ другой стороны, въ область ея входитъ также изученіе географическаго распространенія племенъ, ихъ переселеній, вымиранія, смѣшенія съ другими племенами и пр., однимъ словомъ все то, что́, въ примѣненіи къ другимъ группамъ органическихъ существъ, относится къ задачамъ біологіи, и что̀, содѣйствуя разъясненію вопроса о сродствѣ (филогеніи) племенъ, неизбѣжно ставитъ ее въ тѣсную связь съ антропологіей. Изъ этого видно, что какъ первобытная исторія человѣчества (включая сюда доисторическую археологію и исторію первобытной культуры), такъ и этнологія, весьма тѣсно связаны съ собственно антропологіей, и составляютъ части одной и той же науки. Изъ этого видно также, что, при собираніи матеріаловъ для антропологіи, не раціонально ограничиваться исключительно препаратами по морфологіи и анатоміи племенъ, но необходимо принимать также во вниманіе коллекціи археологическихъ и этнографическихъ предметовъ, способныя дать наглядное понятіе о различныхъ формахъ и стадіяхъ первобытной культуры и о прогрессѣ въ матеріальныхъ проявленіяхъ человѣческой мысли и творчества.

Одно изученіе культуры и психологіи народовъ не можетъ однако еще дать достаточно данныхъ для сужденія объ элементахъ и исторіи развитія психической природы человѣка. Здѣсь необходимо принять еще во вниманіе психологическія наблюденія надъ отдѣльными особями, какъ въ здоровомъ, такъ и въ болѣзненномъ состояніи, и особенно — надъ дѣтьми, надъ постепеннымъ развитіемъ у нихъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ. Интересный матеріалъ для наблюденія представляютъ также животныя, особенно высшія, именно въ отношеніи къ развитію у нихъ умственныхъ способностей, инстинктовъ, тѣхъ или другихъ повадокъ. Мы встрѣчаемъ здѣсь, правда, значительно болѣе низкое развитіе психической при-

роды и даже отсутствіе многихъ характеристичныхъ для человѣка качествъ; тѣмъ не менѣе, наблюденія надъ простѣйшими формами психической жизни могутъ способствовать пониманію однородныхъ формъ и на ихъ гораздо болѣе совершенной степени развитія.

Какую бы важность ни представляла впрочемъ психическая природа человѣка, изученіе ея должно идти параллельно съ изученіемъ физической. Какъ психологія особей, въ здоровомъ и больномъ состояніи, не можетъ игнорировать данныхъ физіологіи, такъ и этнологія не можетъ обойдтись безъ указаній физической антропологіи. Для натуралиста изученіе физической природы стоитъ даже на первомъ планѣ, и изслѣдуя сродство и развитіе племенъ, онъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ развитіе физическаго типа. Однимъ изъ главныхъ матеріаловъ могутъ ему служить для этой цѣли, какъ уже сказано, остатки человѣка, именно его скелета, изъ различныхъ эпохъ доисторическаго періода. Къ сожалѣнію, что касается древнѣйшей эпохи, покуда еще извѣстно весьма мало такихъ остатковъ. Впрочемъ, въ послѣднія двадцать лѣтъ было найдено нѣсколько череповъ и отдѣльныхъ костей, при обстоятельствахъ, указывающихъ на глубокую ихъ древность. Остатки эти показали, что человѣкъ уже въ палеолитическій періодъ представлялъ въ устройствѣ своего скелета вполнѣ человѣческіе признаки, и что уже въ то время онъ распадался на нѣсколько типовъ, одинъ изъ коихъ, судя по формѣ черепа, можетъ быть даже поставленъ на ряду съ самыми высшими современными. Другой типъ, повидимому наиболѣе древній, представляетъ, правда, нѣкоторые признаки низшей организаціи, однако тѣ же самые признаки мы встрѣчаемъ и теперь у нѣкоторыхъ первобытныхъ расъ, а иногда, какъ индивидуальныя явленія, и у расъ высшихъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что уже въ ту отдаленную эпоху, человѣческій родъ не представлялъ однороднаго цѣлаго, но распадался на нѣсколько племенъ, или даже расъ, значительно разнившихся между собою по формѣ своего черепа. Фактъ этотъ заставляетъ предположить, что найденные до сихъ поръ остатки не могутъ считаться самыми древними, и что для обособленія столь различныхъ типовъ нуженъ былъ весьма значительный періодъ времени. Нѣкоторыя находки, сдѣланныя во Франціи и Испаніи, повидимому, подтверждаютъ это предположеніе; именно онѣ показываютъ, что уже въ отложеніяхъ гораздо болѣе древняго, такъ называемаго третичнаго періода, попадаются кремни, очѣвидно оббитые рукою разумнаго существа...

За неимѣніемъ достаточнаго числа палеонтологическихъ данныхъ, антропологія, при сужденіи о генезисѣ человѣческаго типа, можетъ пользоваться нѣкоторыми косвенными указаніями. Такія указанія доставляютъ ей именно: сравнительная анатомія и эмбріологія. Сравнительная анатомія, занимаясь изученіемъ строенія органовъ на различныхъ ступеняхъ животнаго царства, позволяетъ определить точнѣе совершенство тѣхъ же органовъ у человѣка; эмбріологія или наука о зародышѣ, изучая постепенныя стадіи развитія послѣдняго въ утробѣ матери даетъ указанія на то, какимъ образомъ складываются и развиваются формы человѣческаго тѣла. Знаніе послѣдняго процесса весьма важно для пониманія конечнаго его продукта, вслѣдствіе чего эмбріологія и считается однимъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ естественной исторіи. Не меньшее значеніе она имѣетъ и для антропологіи, и безъ нея невозможно обойдтись при основательномъ изученіи физическихъ признаковъ человѣка и ихъ видоизмѣненій по племенамъ и особямъ.

И такъ мы видимъ, что, не смотря на кажущійся малый объемъ антропологіи, сравнительно съ другими отдѣлами естественной исторіи, задачи ея весьма обширны и важны, и область ея изслѣдованій—громадна. Начавши разработываться сравнительно поздно, она еще далеко не достигла надлежащей полноты, и вотъ почему является настоятельною потребностью трудиться усиленно надъ ея разработкою. Но разработка всякой науки, возможна только при обладаніи достаточнымъ матеріаломъ, при отсутствіи котораго прогрессъ науки не мыслимъ. Поэтому собираніе матеріала есть первая забота науки, и это въ особенности примѣнимо къ наукѣ новой и еще недостаточно разработанной. Съ этой точки зрѣнія нельзя не порадоваться открытію на дняхъ антропологической выставки. Нельзя не пожелать полнаго успѣха идеѣ основать въ Москвѣ антропологическій музей.

Д. А—нъ.

Изъ *Русскихъ Вѣдомостей* за мартъ 1879 г.

Дозволено цензурою. М., 30 марта, 1879 г. Тип. *Русск. Вѣд.*, Мясн., Юшк. п., д. № 185.

2007050499